— Я люблю тебя, Джеймс Эдвард Мэтьюз. Спасибо тебе за то, что поделился этим со мной.

— Я люблю тебя, Эллисон Энн, и, если уж на то пошло, я должен быть благодарен тебе. Ты сделала меня самым счастливым человеком на планете. Всего за одну короткую неделю ты открыла мне глаза на мир, которого я никогда не видела, хотя он был прямо передо мной. Я всегда буду дорожить этим моментом.

— Я тоже. Это просто так мило, и ты такой милый. А теперь трахни меня, ты, большой жеребец.

Я делал все возможное, чтобы не расхохотаться. Я не смог подавить смешок, но понял намек и начал делать все возможное, чтобы войти в нее. К сожалению, в нашей нынешней позе мои старания ни на что не годились. Она поняла это одновременно со мной и, положив руки мне на грудь, откинулась назад и снова начала двигать бедрами вверх-вниз по моему члену. Это была восхитительная агония – чувствовать, как ее плоть покидает мою, а затем, словно спасаясь от неминуемой смерти, снова погружаться глубоко в ее любящие объятия. Она попробовала несколько разных ракурсов и, наконец, нашла тот, который позволял ей водить своим клитором по верхушке моего стержня во время движения. Это действительно завело ее, и она начала набирать темп. С каждым вдохом ее дыхание становилось все более хриплым. Я мог видеть, как загорается одна из лампочек-предвестниц криков. Слава богу, я уже кончил, иначе я бы сошел с ума, когда она начала насаживаться на мои бедра все сильнее и быстрее.

Я почувствовал первую дрожь и, схватив подушку, подложил ее под подбородок и поперек груди. Она упала лицом в подушку и закричала от оргазма. Я мог только представить себе этот звук без подушки, и я думаю, что она на самом деле сдерживалась. Ее ритм был нарушен спазмами, проносящимися взад и вперед по ее телу. Ее киска, казалось, вот-вот оторвет мой член прямо от моего тела. Я не знаю, смог бы я сдвинуть его с места, если бы попытался. Я подумал, не распухло ли мое лицо от избытка крови, которую она выталкивала из моего члена. Потом это прошло, и она снова села.

— Спасибо. — Она улыбнулась.

— Не за что.

— А когда кончишь ты?

— Не слишком скоро, но достаточно скоро.

Она снова начала двигаться на мне. На этот раз движение было другим, не столько вверх-вниз, сколько как бы скольжение взад-вперед. Она взяла мои руки и притянула их к своей груди. Эй, я могу понять намек. Я начал массировать ее плоть, пощипывая и перекатывая ее соски между пальцами. Очевидно, я что-то делал не так, как надо, так как вскоре она взялась за это сама. Мне показалось, что ей должно было быть очень больно, ведь она щипала, тянула и выворачивала свою плоть. Я положил руки ей на бедра и попытался войти в нее, встречая ее толчки. Это оказало очень приятное воздействие на нас обоих. Я почувствовал легкую дрожь, и

она очень тяжело вздохнула. Я думаю, это означало, что у нее был еще один оргазм. Не такой душераздирающий крик, как первый, но все равно приятный. Краем уха я заметил, что кровать начала скрипеть. Я остановил ее и указал на это.

— Угу, нехорошо, а моя вела бы себя еще хуже. Гостиная? — наконец предложила она.

— Нет, я не думаю, что было бы хорошей идеей обнародовать наши отношения. Кроме того, эти подушки слишком маленькие. Помоги мне стащить матрас на пол.

Это такое печальное чувство, когда твоя возлюбленная внезапно бросает тебя. Только что все было таким теплым, а в следующую секунду все исчезло. Как только матрас был застелен, она положила подушку и плюхнулась на спину.

— Иди сюда, ты! — Она раздвинула ноги и направила меня туда, куда хотела, затем подняла ноги и обхватила ими мои бедра, скрестив лодыжки чуть выше и позади моей задницы. Это позволило ей притянуть меня к себе ногами. Не то чтобы я нуждался в особом поощрении. Я определенно был готов вернуться к работе.

Сначала я начал входить в нее мягко, просто пытаясь попасть в ритм.

— Сильнее. — Она застонала мне на ухо. — Сильнее.

Я ускорил темп и вскоре входил в нее достаточно сильно, чтобы ее груди затряслись от моих толчков.

— Да, именно так. Трахни меня, ты, плохой мальчик!

Слова, слетевшие с уст моей сестры, сводили меня с ума. Я не знаю, что это было, но что-то в том, что я услышал от своей милой, невинной младшей сестры, просто повергло меня в истерику. Я вложил в нее все, что у меня было. Я действительно слышал, как мои яйца ударяются о покрытые влагой ягодицы ее маленькой упругой попки.

Я извлек ценный урок. Гораздо легче контролировать себя, если девушка сама задает темп и двигается. Как только мышцы самца переходят в режим "размножения", все происходит намного быстрее. Когда Эллисон выполняла всю работу, мне было легко сохранять контроль, но как только мое тело начало двигаться, поколения эволюции взяли верх, и ситуация быстро накалилась. Я знал, что у меня не так много времени. Мы оба начали тяжело хватать ртом воздух. Она натянула подушку на лицо и начала дрожать и биться в конвульсиях подо мной. Я слышал, как она кричит в мягкий материал. А потом это случилось; это щемящее чувство, как будто мир только что поменял направление, и я кончил в спешке.

Я наклонил голову, как будто пытался поцеловать ее через подушку, и закричал ей в ответ. Мои мышцы напряглись, и я выстреливал порцию за порцией густой спермы глубоко в ее тело.

Уровень смазки мгновенно зашкалил за пределы допустимого. В этой химической смеси должно быть что-то такое, что при смешивании мужских и женских выделений она превращается в идеальную смазку. Конечно, из-за того, что она была такой тугой и идеально сидела на мне, внезапному притоку жидкости некуда было деваться, поэтому законы гидравлики взяли верх, и когда я вошел в нее, объединенные жидкости вытеснились обратно вокруг моего ствола.

Как только мои мышцы перестали подергиваться, я рухнул на нее сверху и перевернул нас обоих на бок. Она довела позу до конца и оказалась сверху, а я все еще был внутри нее. На самом деле это было довольно весело. У меня внезапно возник образ, как мы соединяемся и снова и снова катимся вниз по длинному склону. Иногда странно реагирует твой мозг.

Некоторое время мы лежали вместе, переводя дыхание и просто обнимая друг друга. Потом я посмотрел на часы и увидел, что было всего два ночи. Я протянул руку и заправил ее волосы за ухо.

— Хочешь остаться на ночь? Или ты думаешь, тебе стоит вернуться в свою комнату?

— Хочу все. Я хочу провести здесь эту ночь, и завтрашнюю, и еще много ночей после этой, но мне, наверное, лучше вернуться в свою комнату. Мама уже однажды застукала тебя выходящим из моей комнаты, и тогда даже ничего не происходило. На этот раз? Я не думаю, что это было бы хорошо. Как бы то ни было, мне… нам нужно сходить в ванную и привести себя в порядок, а у меня даже нет ночной рубашки. Мне нужно отнести ее в стирку, пока мама ее не нашла. Но это было просто так хорошо. Я бы ни за что не пропустила это. Мне все равно, даже если они отправят меня в монастырь; Я знаю, ты все еще будешь ждать меня, когда я стану достаточно взрослой, чтобы сбежать.

— Еще бы. Но я бы предпочел, чтобы они этого не делали. Я не смог бы жить без тебя. Ты нужна мне; я хочу, чтобы ты была в моей жизни, Эллисон. Я знаю, что мы не можем давать никаких долгосрочных обещаний, мы слишком молоды и не знаем, что произойдет. Но я не могу представить, что когда-нибудь полюблю кого-нибудь так сильно, как я люблю тебя. Я просто не вижу для себя будущего, в котором не было бы тебя.

— О, Джимми, так мило с твоей стороны это сказать. Я никогда не понимала, как ты умеешь обращаться со словами. Я рада, что добралась до тебя раньше, я рада, что я, из всех других девушек, узнала, какой ты замечательный. Что ж, Шеннон знает, но она особый случай, и мне все равно, знает ли она. И я думаю, ты скоро поймешь, что испытываешь к ней то же самое. И я чувствую то же самое по отношению к вам обоим. Я просто не могу представить себе жизнь без вас обоих. Я знаю, что до тех пор, пока я могу просыпаться рядом с одним из вас, а лучше с вами обоими, я буду жить очень счастливой жизнью.

— Так ты действительно видишь нас троих вместе навсегда? Довольно странное соглашение, тебе не кажется? Я имею в виду, что это хорошая картина, и я полностью за нее, но я не знаю, как мы могли бы показать ее остальному миру.

— Вечность – это долгий срок, и я не думаю, что мы должны пытаться давать обещания, но сейчас я не представляю, что хочу жить без тебя. Что касается остального, то кого это волнует? Мне все равно, что думают другие люди. Это не значит, что я собираюсь баллотироваться в президенты или что-то в этом роде. Я планирую оставаться как можно дальше от общественного внимания и как можно дольше. Я думаю, это было бы действительно хорошей идеей для нас обоих...

— Да, ты, наверное, права, но сейчас нам все еще нужно подумать о маме и папе. Помоги мне убрать мою кровать, и я принесу тебе рубашку, чтобы ты могла пойти привести себя в порядок.

Мы положили матрас обратно на кровать, и именно тогда заметили огромное мокрое пятно прямо на том месте, где мы только что лежали. Определенно потребуется время, чтобы оно высохло. Я сорвал простыни и бросил их в кучу вместе с рубашкой Эллисон. Мы могли бы заняться ими после школы и успеть все подготовить до того, как мама с папой вернутся с работы. Я могла бы взять полотенце из ванной и положить между пятном и одеялом. Нам пришлось бы лучше планировать свои будущие занятия любовью. Доказательства, вероятно, следует свести к минимуму.

Я дал Эллисон одну из своих рубашек, и она выскользнула в ванную. Через несколько секунд она вернулась, очень бледная. В руке у нее был листок бумаги. На нем большими буквами были выведены слова:

— “Детки, нам нужно поговорить. Увидимся за завтраком. С любовью, мама и папа".

Я посмотрел на записку, а затем на Эллисон. На ее глазах уже выступили слезы. Я обнял ее, а потом поцеловал в нос и сказал:

— Эй, все не может быть так плохо. Если бы они были так разозлены, то могли бы войти сами. Мы, конечно, не смогли бы ничего отрицать. Но они не вошли. Я бы сказал, что будет один из тех "взрослых" разговоров, которые у нас еще будут. Ты знаешь, о том, что если мы собираемся совершать взрослые поступки, нам нужно быть уверенными, что мы все продумали и готовы к последствиям, что-то в этом роде. Что самое худшее, что может случиться? Я уеду в военную школу, ты – в монастырь. В любом случае, у нас все еще есть наши сны, и в конце концов мы станем достаточно взрослыми, чтобы принимать собственные решения, и тогда никто не сможет разлучить нас. Кроме того, ты не смотришь на это с хорошей стороны.

Она обняла меня и прошептала:

— Что за хорошая сторона?

Я просто обнял ее в ответ, поцеловал в нос и сказал:

— Если они собираются убить нас утром, мы могли бы с таким же успехом переночевать вместе сегодня вечером. Но мы можем остаться в твоей комнате? Моей не помешал бы визит

феи-домработницы.

http://tl.rulate.ru/book/2081/67730